

УДК 101.8

DOI: 10.17223/1998863X/39/11

М.П. Завьялова

ПРОБЛЕМА СОВМЕСТИМОСТИ НАТУРАЛИСТИЧЕСКИ- ЭССЕНЦИАЛИСТСКОГО И СОЦИАЛЬНО- КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПОДХОДОВ В ПОЗНАНИИ И ПРЕОБРАЗОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

Показано, что социальный конструктивизм, исходя ориентируясь на противостояние натуралистическому эссенциализму, получает значительное распространение как методология познания и преобразования социальной реальности, которая не содержит в себе критериев, задающих ограничения в характере и степени изменений социальных объектов. Рассматриваются онто-гносеологические основания натуралистического эссенциализма и социального конструктивизма в контексте возможности их совместной работы в познании и конструировании социальных объектов, когда они не исключают а взаимно ограничивают присущие им установки.

Ключевые слова: натуралистический эссенциализм, социальный конструктивизм, методологические подходы, трансцендентная и трансгрессивная онтологические модели мироустройства.

В нынешних условиях наука выходит за пределы отдельного социального института и начинает программировать и проектировать все пространство современного общества. Возникает необходимость решения вопроса о потенциале изменений, считавшихся заданными, стабильными, свойств социальных объектов и одновременно о границах их изменений. Вопрос о пределах изменений связан с наличием природных или квазиприродных обусловленностей, объективных свойств и сущностей социальных объектов. В этом контексте актуализируется оценка эвристического потенциала основных методологических подходов познания и преобразования социальной реальности. К настоящему времени в результате длительного процесса становления, развития и институционализации социально-гуманитарных наук (с конца XVIII до середины XX в.), философско-методологического обоснования их предмета, метода, истины и социальной роли выделяются два противоположных по своим установкам подхода: натуралистически-эссенциальный и социально-конструктивистский. Каждый из них включает множество методологических платформ, объединенных на основе ведущей стратегической установки.

Первый подход основан на признании натуралистических, природных, неизменных сущностей – родства, этноса, расы, языка, пола, возраста, на квазиприродном истолковании понятий классов, объективно сложившихся в общественном производстве, идентичностей обществ и стран, объективно обусловленных их историей и выработанными в ней архетипами. Сходство характеристик этих явлений вытекает из объективно присущих обществу «естественных параметров», сохраняющих свою неизменность или хотя бы значительную устойчивость» [1. С. 43–44].

Первый подход складывается в условиях становления предметной определенности дисциплинарной структуры социально-гуманитарных наук, что сопряжено всегда с необходимостью опоры на соответствующие методологические основания. В этот период (с конца XVIII до середины XX в.) за теоретическими и методологическими моделями социальные науки обращались к естественным наукам, что фактически означало отождествление социально-гуманитарного познания с естественнонаучным, т.е. абсолютизировалась роль естественных наук, производилась редукция (сведение) социально-гуманитарных наук к естествознанию как к «эталону», «образцу» научного познания. В зависимости от того, какая наука принималась за образец, натурализм выступал в различных формах:

- механицизм, основанный на абсолютизации и универсализации механистической картины мира (классическая физика Ньютона);

- физикализм, который был особенно характерен для классического позитивизма О. Конта (его установка на создание социологии как социальной физики) и для неопозитивизма (логического позитивизма), объявившего универсальным языком науки язык физики (Р. Карнап);

- биологизм: концептуально-методологические представления, общим признаком которых является применение понятий и законов биологии при анализе социальной жизни. Здесь наблюдается редукция социальных закономерностей к биологическим (органицизм Г. Спенсера, социал-дарвинизм и др.)

- географический детерминизм: направление социального познания, представители которого (Ш. Монтескье, А. Тюрго, Г. Бокль и др.) особенности социально-исторического развития ставили в прямую и непосредственную зависимость от географической среды (климат, почва, флора, фауна и т. п.).

- демографический детерминизм: придает абсолютное значение в развитии и функционировании общества народонаселению (естественный закон народонаселения Т. Мальтуса, конец XVIII в.).

Мы выделили главные формы натурализма, но они не являются исчерпывающими.

Концептуально оформился позитивизм как философско-методологическая платформа обоснования социальной науки, определившая курс на натурализм, связанный с привнесением в нее методов естествознания (О. Конт), и эмпиризм, логически обоснованный Дж. С. Миллем в форме индуктивного метода как ведущего метода классического позитивизма.

Эссенциалистская установка также была привнесена в социальное познание из естествознания. Научные законы, открываемые в этой области, вдохновляли на поиск закономерностей и в социально-гуманитарной сфере, результатом чего стало появление формационного подхода в истории, концепций естественного права в юриспруденции, законов образования ассоциаций в психологии и т.д. Существенным шагом на пути эссенциализации стало понимание того, что методология обществознания не может ограничиться простым переносом методологических схем, полученных в области естествознания, в сферу наук о культуре. С этих позиций представители логического позитивизма К. Гемпель, К. Поппер, У. Дрей, Г.

фон Вригт и др. разрабатывали вопрос о специфике исторических законов и строили объяснительные модели, с помощью которых представлялось возможным раскрывать причинно-следственные связи в поступках людей и создавать тем самым общезначимое знание. Так были разработаны дедуктивно-номологическая модель Гемпеля – Поппера, модель «рационального объяснения» У. Дрея, модель интенционального объяснения (практический силлогизм) Г. фон Вригта.

Эссенциалистский момент метода социальных наук развивается в стремлении методологов построить особую логику, учитывающую их специфику (Т. Адорно, К. Поппер, А. Зиновьев и др.).

Так, отечественный философ и логик А. Зиновьев определенно и весьма жестко ставит вопрос о необходимости логического обоснования и оснастки социальных исследований, которые, по его мнению, до сих пор находятся на дологическом, донаучном уровне.

Чтобы подняться на научный (логический) уровень познания социальных объектов, т.е. человеческих объединений и людей как членов этих объединений, необходимо осуществить логическую обработку языка, на котором люди думают, говорят, пишут, слушают и читают об этих объектах, а также осуществить логическую обработку методов исследования этих объектов [2. С. 204].

По мысли А. Зиновьева, это входит в задачу логической социологии – науки о языке и методах исследования социальных объектов. Это методы определения понятий, мысленного эксперимента, «социальной комбинаторики». Логическая социология призвана способствовать тому, чтобы определения человека как социального существа, человеческого объединения, социальной организации, власти, управления, социальных клеток, бизнеса, хозяйства, менталитета, идеологии, собственности, права и прочих социальных объектов должны быть построены так, чтобы тем самым фиксировались фундаментальные общественные законы. Последние по своей природе таковы, что для обнаружения их нужна именно логическая обработка общедоступной информации [2. С. 208–209].

Анализ эволюции характеристик натуралистически-эссенциального подхода не может обойти разработку его установок в марксистской философско-методологической программе обоснования социальной науки. К. Маркс разрабатывал ее, подвергая критике односторонний натурализм и эмпиризм («ползучий эмпиризм») Контовского позитивизма с позиций разработанного им принципа социальной обусловленности познания и мысли о необходимости разработки теоретического метода как важнейшего средства научного познания, не умаляя при этом значения эмпирического уровня исследования. В Марксовом наследии содержится целый арсенал средств и приемов теоретического познания, с помощью которых только и возможно раскрыть существенные связи и закономерности общественного развития, что составляет действительную цель научного познания [3. С. 36–40]. На базе анализа логической структуры «Капитала» отечественными исследователями (Т.В. Ильенковым, А.А. Зиновьевым, Б.М. Кедровым, И.В. Кузнецовым, И.Т. Фроловым, В.С. Степиным, В.А. Лекторским и др.) был охарактеризован метод восхождения от абст-

рактного к конкретному, были выявлены различные логические приемы и мыслительные техники, использованные в «Капитале», было раскрыто значение методологических идей Маркса относительно исходной идеализированной модели как ядра развития теории, что имело значение не только для обществознания, но и для других наук, например физики.

Как видим, эссенциализм является существенной установкой Марксовой методологии. Что касается натурализма, то последний также в ней присутствует, однако совершенно в другой форме по сравнению с позитивизмом. Маркс открыл общество как особую, «другую реальность», отличную от природы, но способную развиваться лишь в условиях природы и, что самое главное, через взаимоотношения с природным фактором, форма и характер которых определяются всегда формой самого общества. По Марксу, человек и общество есть единство природного и социального начал, а характер их взаимосвязи – отчуждение или гармония – обусловлен организацией самого общества, его целями, и идеалами, включенностью в формирование социальной действительности ценностно-когнитивно ориентированных субъектов, историчностью и другими моментами. Можно отметить, что в Марксовой методологии присутствует момент антинатурализма лишь как отрицание натурализма в безотносительной, самодовлеющей форме. В целях теоретизации Марксом был разработан и применен формационный подход, раскрывающий неявные объективные формы общественных отношений (производственных отношений) и их роль как критерия построения типологии исторического развития как в структурном, так и в эволюционном планах. Философско-методологические идеи Маркса развивались представителями критической социологии Франкфуртской школы, структурализма и постструктурализма. Так, структуралисты стремились выявить неявные, бессознательные структуры, фундирующие сознание в качестве стабильных устойчивых констант: «эпистемы» Фуко, «сверхсознание» Леви-Стросса, «архетипы» Юнга и т.п.

Подводя итоги неизбежно беглому (в рамках отдельной статьи) анализу конституирования натуралистически-эссенциального подхода в социальном познании, отметим, что ему присущи следующие установки:

- обращение к сущностям, как правило, неизменным, стабильным;
- натурализм, т.е. редукция сущности социальных явлений к природным или квазиприродным свойствам;
- реализм, т.е. нахождение в рассматриваемых явлениях объективной реальности;
- эссенциализм, т.е. направленность с помощью теоретических средств на раскрытие скрытой сущности, законов развития социальных объектов;
- нацеленность познания на достижение истины в корреспондентском или когерентном вариантах ее истолкования;
- эпистемологический конструктивизм как необходимый момент всякого научного познания, теоретического по своей природе. В данном подходе он выступает в форме реального конструктивизма.

Необходимо отметить, что на первых этапах философско-методологического обоснования социально-гуманитарных наук натуралистически-эссенциалистскому (натурцентристскому) подходу противостоял антима-

туралистический по своей сущности – культурцентристский подход. Его методологическая программа формировалась первоначально на основаниях классической герменевтики и далее, в условиях онтологического и лингвистического поворота и на базе критики классической метафизики, – на основаниях феноменологии, классической герменевтики, аналитической философии. Был длительный, захвативший более столетия методологический спор между данными направлениями, который к концу XX в. в принципе стал «затухать» в связи с пониманием возможности компромисса между ними.

Однако в последние десятилетия с эссенциалистским натурализмом конкурирует быстро набирающая силу программа социального конструктивизма в его радикальной форме, у которого «на переднем плане оказывается историческая реальность, понимаемая конструктивистами не столько как духовно-целое, но как технический конгломерат, легко поддающийся тотальной реорганизации. При этом граница между миром и исторической (в данном случае конструируемой) реальностью становится размытой, едва заметной, а иногда просто неразличимой» [4. С. 360].

Социально-конструктивистский подход противостоит натуралистически-эссенциалистскому и заключается в том, что даже признаваемые неизменными натуралистически-эссенциальным подходом свойства социальных объектов могут представлять как изменяемые, конструируемые и переконструируемые человеком и обществом. С точки зрения радикального конструктивизма методология и когнитивные процедуры в целом оцениваются как фактор конструирования реальности. Социальный конструктивизм, исходно ориентируясь на противостояние натуралистическому эссенциализму, получает значительное распространение как методология познания и преобразования социума в условиях нарастания массива прикладных исследований и социальных технологий. Философской основой данного подхода выступает эпистемический конструктивизм в особой форме – в форме радикального конструктивизма. Эпистемический конструктивизм – это направление гносеологии, которое имеет давнюю историю – от Платона до наших дней. В нем осмысливается творческая, конструктивная природа познания. Однако глубокую концептуальную проработку конструктивистское понимание и обоснование познания получило в философии Нового времени и было наиболее концентрированно выражено в трудах И. Канта. Познание понималось им как конструкция разума, который не следует за природой, а отражает ее, прокладывает и освещает путь исследованию, задавая природе свои собственные вопросы и отвечая на них, опирается на априорно заданные предпосылки и категории. У Канта можно найти немало высказываний, согласно которым разум постигает только то, что сам же и создает по собственным законам, что наше сознание есть продукт работы нашего разума. Именно эти мотивы подхватили современные конструктивисты, придавая им существенное значение.

Отличие Кантовской позиции от современного радикального конструктивизма состоит в том, что Кант, как представитель классической эпистемологии, осмысливал и разрабатывал проблему обоснования самой возможности достижения объективного истинного знания, что составляло смысловой центр интеллектуальных усилий, в русле которых реализовывались идеи кон-

структивизма того времени. Важно подчеркнуть, что классический конструктивизм был непосредственно включен в контекст критики познания, как осмысление его предпосылок, возможностей, границ и рефлексий над ними. Критицизм классического конструктивизма выполнял функции самоопределения науки и ее обоснования, ибо указание на границы познания одновременно утверждало его позитивные познавательные и преобразующие возможности в пределах этих границ. Критицизм сочетался с гносеологическим оптимизмом, который, в свою очередь, фундировал оптимизм социальный. Единство и взаимодействие социального и гносеологического оптимизма составляет смысловое ядро классической гносеологии и соответствующей ей формы конструктивизма. Критика познания служила обоснованием возможности достижения объективного истинного знания и тем самым права науки на социальное признание ее авторитета, на высокий социальный статус и особую роль в преобразовании общества на рациональных основаниях.

Радикальный конструктивизм возникает в 60-х годах прошлого века в методологии социальных наук. Главная мысль, которая характерна для него, – это то, что реальность – это набор мыслительных конструкций, что она в конечном счете есть текст (П. Бергер, Н. Лукман). К началу 1980-х годов складывается уже особое философско-методологическое течение – «радикальный конструктивизм» (П. Ватцлавик, Э. фон Глазерсфельд, Х. фон Ферстер и др.). Усиливая трактовку реальности как системы значений, представители этого течения подчеркивают аспект «сделанности» этой реальности. Х. фон Ферстер утверждает, например, что окружающая среда в том виде, как мы ее воспринимаем, – это наше изобретение. По мнению Ватцлавика, единственное, что существует, – это множество различных версий реальности, которые могут входить в противоречие друг с другом [5. С. 37–38].

В трактовке действительности как конструкции подчеркивается творческая роль человеческого познания и деятельности, что давно уже можно считать общепринятым в эпистемологии. С этим не поспоришь.

Главное, чем отличается радикальный конструктивизм от классического, – это стремление к решительному избавлению эпистемологии от проблемы объективности познания. Как отмечает С.А. Цоколов, «радикальность конструктивизма состоит в его радикальном отмежевании от всех форм традиционной эпистемологии, допускающей в той или иной мере соответствие знания объективной реальности» [5. С. 39]. Познание в конструктивизме радикального толка замыкается в границах сознания и не выходит за его пределы. И человеческое знание, и та картина мира, которую это знание формирует, – все это в равной мере является продуктом когнитивного конструирования. Радикальные конструктивисты идеи объективности и истины признают безнадежно устаревшими, а критика общества уступает место «терапевтическому» исправлению сознания.

Особенности радикального конструктивизма – в особом взгляде на знание. Знание с его точки зрения больше не соотносится с объективной реальностью, с объективным миром. Поэтому лишается смысла вопрос о его соответствии реальному положению дел. Акцент переносится на пригодность, на «инструментальность» знания. Знание как конструкция – это знание не чего,

а знание для чего; не соответствие чему-то в мире, а пригодность для выполнения определенных функций. Пригодность, полезность, выгодность замещают понятие истины, вызывавшее столько споров и проблем в философии. Отсюда вытекает еще одна особенность во взгляде конструктивистов на знание – оно рассматривается в качестве инструмента обеспечения жизнедеятельности организма (индивида, социальной группы, общества). Познание является здесь синонимом жизни как процесса самоорганизации и самосохранения.

Новый ракурс в рассмотрении социального знания состоит в том, что оно предстает как конструирующий элемент человеческого опыта повседневной жизни. Человек изучает не объективный мир, а практику социального взаимодействия, где знание – средство конструирования социального опыта. Здесь особенно акцентируется активность ментального мира в жизни человека и социума: чем больше человек полагает, что обретает независимость от природы, тем большее значение он приписывает созданному им ментальному миру, вплоть до утраты различия между реальным и виртуальным мирами, что свойственно постмодернистскому сознанию. Познание стало рассматриваться со стороны познающего, а само познаваемое – как содержание сознания. При этом знание выступает как особая реальность, как «Окружающий мир», в котором существует человек в своей повседневной жизни. Знание не представляет (не репрезентирует) какой-либо реальности, а составляет «субстрат», образующий саму эту реальность. Познание выполняет задачу упорядочения внутреннего мира социального субъекта, а не объяснения объективной онтологии бытия. Размываются онтологические и эпистемологические различия между субъектом и объектом, знанием и реальностью, неуместно ставить вопрос об истине; теперь критериями знания служат уже не доказательство, проверка, обоснование, а доверие, пригодность, применимость, практичность и т.п.

В инструментально-прикладном исследовании речь идет всегда о выполнении некоторого заказа-цели: такое исследование изначально ориентируется тем, «чего хотелось бы» и корректируется ощущением «внепознавательной эффективности результатов», т.е. познание как таковое здесь имеет служебный смысл, и место объективности занимает эффективность. Отказ от данности объекта в принципе превращает познание в произвольное самовыражение индивида, которое ограничивается лишь натуралистическим переживанием прикладных мотивов познавательного конструирования [4. С. 364].

Таким образом, конструктивизм, который, проявляясь в разных формах, никогда не уходил из европейской философии и культуры, «кристаллизовался» сегодня в методологическую программу и в условиях нарастания технологизации социального знания, быстрого распространения коммуникативных систем, вытесняющих реальное общение и заменяющих его виртуальным, приобрел радикальный характер, реализовываясь в установках социально-конструктивистского подхода.

В сравнении с натуралистически-эссенциалистским подходом здесь преобладающим стало то, что методология и когнитивно-познавательные процедуры в целом оцениваются как фактор конструирования реальности [4. С. 365].

Важно отметить принципиальное различие подходов: эссенциалистский натурализм ориентирует на стабилизацию, «замораживая» обнаруженные объективные основы, константы социальных объектов. Социальный конструктивизм, напротив, размывая границы большинства представлявшихся неизменными сущностей, ориентирует на их постоянное переконструирование, изменение. Самое главное – это то, что методология социального конструктивизма не содержит в себе критериев, задающих границы, пределы изменений социальных объектов, тем самым превращая изменения в «дурную» бесконечность.

Возможна ли совместная работа означенных подходов в социальных исследованиях? Думается, что для ответа на этот вопрос надо заглянуть в глубинные пласты их онтологической укорененности. Представляется, что для эссенциалистского натурализма адекватной является трансцендентная онтологическая модель, которая главенствовала в качестве основы классической метафизической онтологии от Парменида до Гуссерля. Такие категории, как «вечное», «незыблемое», «абсолютное», «неизменное», являются основополагающими категориями классической метафизики и характеризуют то, что находится вне времени и претендует на абсолютную значимость. Трансценденция «нацелена» на область сверхчувственного бытия, царства вечного, безусловного, единого и тождественного.

В трансценденции преобладает вертикаль, поскольку именно данный тип организации пространства наилучшим образом соответствует базовым установкам трансценденции – раскрытию вневременного и иерархически упорядоченного бытия. Трансцендентность утверждает тождество вещи или явления через соотносительность с вечной и неизменной субстанцией – идеи духа, Бога. Любое явление получает онтологический статус репрезентации этой субстанции. Изменения предметов становятся несущественными, поскольку не затрагивают и не изменяют их субстанциального ядра. В современной философии метафизическим основанием единства и тождества бытия начинает выступать универсальное сознание: «Монистический принцип, то есть утверждение единства бытия, в идеализме превращается в принцип единства сознания» [6. С. 92].

Социально-конструктивистский подход базируется на принципиально другой онтологии – онтологии трансгрессии. Концепт «трансгрессия» означает нарушение установленных границ, выход за пределы. Его разработка связана с представителями философии постмодернизма: Ж. Батай, М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Деррида. В отечественной философии обращает на себя внимание тематизация феномена трансгрессии на основе анализа творчества М. Бахтина, где «имплицитно представлена целостная онтология трансгрессии» [7. С. 140–149].

Анализ позволяет выявить существенные признаки этой онтологии. «Трансгрессия как онтологический феномен направлена против безраздельного господства такого модуса, как трансценденция» [7. С. 141]. Трансгрессия формирует альтернативную онтологическую модель мира, в которой вместо вертикали – восхождения от низшего к высшему, утверждается горизонтальное движение в реальном, земном и историческом пространстве и времени. Трансгрессия отрицает трансцендентное с его категориями вечного и

вневременного и утверждает имманентное, для которого характерны становление, рождение и смерть, рост и преобразование [7. С. 142].

В трансгрессии тоже идет речь о вечности, но это не временная вечность трансценденции, но вечность самого времени, вечность становления. Трансгрессия раскрывает время, становление и относительность там, где хотели утвердить нечто неизблемое и непреходящее. Если трансценденция претендует на окончательную завершенность и фиксированную тождественность бытия, то трансгрессия раскрывает, в свою очередь, вечную «неготовность» бытия как становления. Нарушая или смещая установленные границы между вещами и оценками, выводя жизнь за пределы обычной колеи, трансгрессия не просто релятивизирует трансценденцию, но, стирая установленные границы, трансгрессия тем самым раскрывает возможность иных определенностей и других границ. «Трансгрессия раскрывает становление во всем ставшем, временное во всем вневременном, относительное во всем абсолютном» [7. С. 142–143].

Еще один важный аспект трансгрессивной онтологической модели состоит в том, что она «раскрывает универсальную несамотождественность бытия, обнаруживает, что предмет включает множество гетерогенных определенностей и что именно эта множественность и составляет бытие предмета... Не один универсальный смысл, но «многосмысленность», конфигурация множества одновременно существующих смысловых перспектив, ни одна из которых не получает статуса определяющей и доминирующей смысловой инстанции» [7. С. 142–143].

Итак, противоположность эссенциалистского натурализма и социального конструктивизма фундирована альтернативными онтологическими моделями мироздания. Возвращаясь к вопросу о возможности совместной работы данных подходов в практиках социальных исследований и технологическом применении их результатов, ответим на него положительно. Скажем более определенно: не просто возможна, но, по всей видимости, необходима. Прежде всего нас в этом убеждает то, что рассмотренные онтологические модели раскрывают различные стороны одного и того же мира – сложностного и многополярного по своей организации.

В этом мире природа может существовать без человека, человек же не может существовать без природы, значительно изменяя ее социально-культурной переработкой в многообразных национальных, групповых и индивидуальных практиках. Это есть основание для разработки методологической платформы, реализующей возможность интеграции натуралистически-эссенциалистского и социально-конструктивистского подходов, отказывая первому в неизменности признаваемых им констант, а второму – в бесконечности изменений любой из них. В этом отношении интересно исследование проблемы возраста в социальном контексте и в контексте личной биографии, проведенное отечественными философами В.Г. Федотовой и Н.Н. Федотовой. Здесь они впервые применили методологию соотношения эссенциализма и конструктивизма к анализу возраста, прежде изучаемого преимущественно с натуралистически-эссенциалистских позиций [1. С. 42–56].

Они пришли к выводу, что конструктивистский подход в работе с примордиальностями (природными свойствами) и эссенциалистский (объективи-

стский) в исследовании изменений оказываются взаимодополняющими, а не взаимоисключающими. В этой связи они ссылаются на мысль Д. Элдер-Васса, который в своей книге «Реальность социального конструирования» показывает, что социальные теоретики должны быть одновременно и реалистами и конструктивистами. Реалистов (эссенциалистов) он призывает использовать умеренный социальный конструктивизм, тем более, что многие из них, по сути, это и делают, а умеренных социальных конструктивистов – признать аргументы реалистов и свою потребность во взаимодействии с ними. Вместе с тем он не видит будущего у «радикального» конструктивизма [1. С. 48]. Последнее созвучно мысли отечественного философа В.Е. Кемеров: радикальная социальность приводит к «эрозии социальных качеств всех аспектов жизни» [8. С. 11–13]. Установка на интегрирующую социальность призвана не допустить крайностей и антагонизмов за счет взаимного ограничения эссенциалистского натурализма и социального конструктивизма.

Литература

1. Федотова В.Г., Федотова Н.Н. Возраст // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 42–52.
2. Зиновьев А. Логическая социология // Феномен Зиновьева / сост.: А.А. Гусейнов, О.М. Зиновьева, К.М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002. С. 204–210.
3. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1867 гг. В 2 ч. М.: Изд-во полит. лит., 1980.
4. Пружинин Б.И., Щедрин Т.Г. Конструктивизм как умонастроение и как методология // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009. С. 354–366.
5. Цоколов С.А. Философия радикального конструктивизма Эрнста Глазерсфельда // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2001. № 4. С. 39.
6. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
7. Фаритов В.Т. Философские аспекты творчества М.М. Бахтина: онтология трансгрессии // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 140–149.
8. Кемеров В.Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 3–13.

Margarita P. Zavyalova. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail:

DOI: 10.17223/1998863X/39/11

THE PROBLEM OF COMPATIBILITY OF NATURALISTIC ESSENTIALISM AND SOCIAL CONSTRUCTIVISM FOR COGNITION AND TRANSFORMATION OF SOCIAL OBJECTS

Key words: naturalistic essentialism, social constructivism, methodological approaches, transcendent and transgressive ontological models of the world

The paper shows that social constructivism, originally opposed to naturalistic essentialism, gets widespread as the methodology of cognition and transformation of social reality, which does not contain criteria that would specify limits of change of social objects. The author also considers the ontogenetic characteristics of naturalistic essentialism and social constructivism as a possible basis for their joint work in the cognition and construction of social objects – when they do not exclude but mutually restrict each other.

References

1. Fedotova, V.G. & Fedotova, N.N. (2016) Vozrast [Age]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 42–52.
2. Zinoviev, A. (2002) Logicheskaya sotsiologiya [Logical sociology]. In: Guseynov, A.A., Zinovieva, O.M. & Kantor, K.M. *Fenomen Zinov'eva* [Phenomenon of Zinoviev]. Moscow: Sovremennye tetrad. pp. 204–210.

3. Marx, K. (1980) *Ekonomicheskie rukopisi 1857-1867 gg. V 2 ch.* [Manuscripts on Economics, 1857–1867. In 2 vols]. Translated from German. Moscow: Izd-vo polit. lit.
4. Pruzhinin, B.I. & Shchedrina, T.G. (2009) Konstruktivizm kak umonastroenie i kak metodologiya [Constructivism as a frame of mind and as a methodology]. In: Lektorskiy, V.A. (ed.) *Konstruktivistskiy podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke* [Constructivist Approach in Epistemology and the Sciences of Man]. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya. pp. 354–366.
5. Tsokolov, S.A. (2001) Filosofiya radikal'nogo konstruktivizma Ernsta Glazersfel'da [Philosophy of Radical Constructivism by Ernst Glasersfeld]. *Vestnik MGU. Seriya 7. Filosofiya*. 4. pp. 39.
6. Bakhtin, M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Azbuka, Azbuka-Attikus.
7. Faritov, V.T. (2016) Filosofskie aspekty tvorchestva M.M. Bakhtina: ontologiya transgressii [Philosophical aspects of Bakhtin's creativity: Ontology of transgression]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 140–149.
8. Kemerov, V.E. (1999) Kontseptsiya radikal'noy sotsial'nosti [The concept of radical sociality]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 3–13.